

— ... — Цзи Вэйцю ошеломлённо моргнул. — ...А?

Так вот оно как?

Неужели в одной короткой фразе скрывалось столько смысла?

Да это же не человек с хитрым умом, а хитрый ум, на котором вырос человек! А?!

Вероятно, выражение лица Цзи Вэйцю было слишком растерянным, потому что Цзи Су произнёс на удивление мягким тоном:

— О чём ты подумал? Расскажи.

Цзи Вэйцю с трудом сглотнул.

— Брат-император, пообещай, что не будешь меня ругать.

— Не буду, — ответил Цзи Су.

Цзи Вэйцю показалось, что взгляд брата сейчас точь-в-точь как у его старого учителя по высшей математике. Тот смотрел на него точно так же, словно говоря: «Кажется, он ничего не понял. Ну да ладно, послушаем сначала его ход решения».

Получив разрешение, Цзи Вэйцю выбрал из стопки нужные доклады.

— Брат-император, смотри. Хотя в первом докладе он пишет, что «подношения не дотягивают до уровня тех, что для Вашего слуги», в третьем докладе чётко упоминается, что император Шицзу дарил ему чай «Красная пыль и белый туман». Ли Юньсю с детства был товарищем по учёбе императора Шицзу, они вместе росли и учились. Получать в дар чай и прочие подношения для него было обычным делом. Чая «Красная пыль и белый туман» поставляли много, так что, весьма вероятно, он получал его в дар каждый год. Он привык к качеству прошлых лет, и, сравнивая его с местным чаем, легко мог прийти к такому выводу.

— Ежегодные подношения — это уже лучшее из лучшего, но нельзя исключать, что в какой-то год урожай выдался особенно удачным. Может, всего один сбор, всего с двух чайных кустов оказался исключительного качества? — Цзи Вэйцю поджал губы. — Нельзя же думать о людях так плохо. Чем ближе отношения, тем меньше стеснения в словах, не так ли? Ли Юньсю был товарищем императора по учёбе, его семья наверняка занимала высокое положение при дворе. Неужели он не понимал таких простых вещей? То, что он так писал императору Шицзу, лишь доказывает, что у него на душе не было никакого камня...

Чем дальше он говорил, тем тише становился его голос. В конце концов, он не выдержал и спросил:

— Брат-император, я неправ?

Цзи Су коснулся пальцем доклада в его руках.

— Не то чтобы совсем неправ, но это слишком простой путь.

Цзи Вэйцю мгновенно понял, что имел в виду брат. Он сейчас смотрит на более поздние доклады Ли Юньсю и, зная будущее, может легко судить о его истинных и ложных чувствах. Но между этими двумя докладами прошло полгода, а у императора Шицзу не было способности заглядывать в будущее.

Взгляд Цзи Вэйцю упал на резолюцию, начертанную киноварью. Восемь иероглифов «Желая добродетели, ты обрёл её» были полны иронии. Если так... то получается, что хитрый ум, на котором вырос человек, — это у них наследственное. Император Шицзу был таким же. С какими чувствами, после каких догадок он в итоге написал эти строки?

Вероятно, он долго размышлял. Может быть, он думал: речь идёт о подношениях этого года или прошлых? Если этого, не слишком ли далеко Ли Юньсю запустил свои руки? Если он действительно прикоснулся к императорским подношениям, как ему поступить — наказать или простить? В конце концов, памятуя о многолетней дружбе, Шицзу решил закрыть на это глаза и написал эти строки. Он даже сообщил Ли Юньсю, что если тому нравится в Ляюане, он может остаться там ещё на один срок.

Цзи Су заметил, как дрогнули брови Цзи Вэйцю и в его глазах медленно проступил ужас. Он понял, что брат всё осознал.

Императорские подношения — звучит грозно, но что это для них? Чай, вино, фрукты, драгоценности — всё это лишь для еды, питья и раздачи в качестве наград. Разве у настоящего близких людей может быть в этом недостаток? Не говоря уже о приближённых его брата, даже у его собственных слуг, Син Бо и Мян Ли, никогда не было недостатка в подобных вещах.

Каждый год только съестных подношений были сотни наименований. Даже если каждого вида было всего по две банки чая, в сумме получалось столько, что один человек не смог бы всё использовать. А хранить долго эти продукты было нельзя, так что их, конечно, раздаривали.

Но были границы, которые нельзя было переступать.

Всё под небесами — земля государя; все, кто живёт на этой земле, — подданные государя. Если государь не даровал, подданный не смеет брать сам. Именно этот запрет и нарушил

сановник Ли Юньсю. Лишь благодаря глубокой дружбе с императором Шицзу тот решил сделать вид, что ничего не заметил, и думать только о хорошем.

Цзи Вэйцю вспомнил другие десятки докладов, которые он просмотрел, и пробормотал:

— Это слишком жестоко...

Цзи Су с интересом наблюдал за ним. Видя, как юноша ошеломлён, он с лёгкой усмешкой произнёс:

— Рассказывай.

Цзи Вэйцю, указывая на доклад, начал анализировать:

— Император Шицзу, помня о дружбе с Ли Юньсю, решил закрыть на это глаза. В докладе также говорится, что ланчжун из Палаты амбаров был предан своему долгу. Вероятно, увидев это, Шицзу решил его повысить. Судя по всему, доклад ланчжуна хвалил Ли Юньсю за умелое управление, а также превозносил прозорливость самого императора... Ли Юньсю изначально был человеком Шицзу. Его отправили из столицы, чтобы заложить основу для будущего, дабы его не упрекали в недостатке заслуг.

Цзи Вэйцю опустил взгляд на второй доклад Ли Юньсю, и его тон стал холоднее. Стоило лишь взглянуть на всё это с точки зрения его брата, как всё внезапно прояснилось. Он медленно продолжил:

— Ростки на полях обещают хороший урожай, в Ляюане всё спокойно, Ли Юньсю во главе отряда подавил бандитов... заставил их вернуться к мирной жизни, распахивать целину...

Он поднял глаза на Цзи Су с лёгкой усмешкой:

— Брат-император, как думаешь, этот его отряд — это была личная охрана или гарнизонные войска?

Ошибок у Ли Юньсю было слишком много. Он был главой области, гражданским чиновником, а не военным. С официальной точки зрения, в его распоряжении были лишь два вида вооружённых людей: государственные — судебные приставы и стражники, и частные — домашняя охрана и слуги.

Согласно законам империи, гарнизонные войска нельзя было передвигать без веской причины, и уж тем более выводить за пределы области. Для подавления разбоя требовалось договариваться с местным военачальником, а для выхода за пределы области — иметь на руках ясный указ Государя, иначе это расценивалось как мятеж.

Если Ли Юньсю использовал гарнизонные войска Ляююаня и уничтожил больше десятка банд, некоторые из которых явно находились за пределами его области, значит, он самовольно вывел войска?

Местный военачальник что, был идиотом? Неужели он согласился на такое рискованное предприятие, даже не запросив разрешения у столицы? Что придало ему такой уверенности, что император Шицзу не станет его наказывать? Ведь если бы дело вскрылось, это грозило уничтожением всего его клана!

Почему он согласился? Потому что Ли Юньсю был товарищем по учёбе императора? Или потому что Ли Юньсю уже настолько укрепил свою власть в Ляююане, что военачальник был вынужден подчиниться или уже перешёл на его сторону?

Возможно, для Шицзу было бы даже лучше, если бы Ли Юньсю использовал личную охрану. Например, если бы он был выдающимся мастером боевых искусств, а его сопровождали такие же умелые воины, и отряд из двадцати-тридцати элитных бойцов ворвался в логово разбойников и всех перебил — это ещё можно было бы как-то объяснить.

Но дальше он совершил ещё одну ошибку, и если в предыдущих случаях ещё оставалось пространство для манёвра, то здесь всё было однозначно — он заставил бандитов вернуться к мирной жизни! И дал им землю для возделывания!

Даже в современном мире пойманных разбойников судят и сажают в тюрьму! Здесь законы были сложнее, Цзи Вэйцю не помнил их наизусть, но в основном это была ссылка на каторгу, а если убивал — отрубали голову. Главарей не только казнили, но и всю их семью ссылали или обращали в рабство.

А он, поймав их, с гордостью написал «вернулись к мирной жизни». У него с головой всё в порядке?! Если бы он так поступил, в Ляююане давно бы начался хаос! Что это за «отложив нож мясника, тут же становишься буддой»? «Я сначала пойду в горы, стану разбойником, убью пару человек, а потом отложу нож, спущусь с горы и сразу же стану обычным крестьянином, ещё и землю получу!»?

Это противозаконно, дружище.

Раньше, видя резолюцию Шицзу «Опёршись на восточный ветер, вознёсся в своей гордыне», он думал, что это двусмысленная шутка, намёк на заносчивость Ли Юньсю. Теперь же он понял, что это было не шуткой, а суровым предупреждением: «Ты так заносчив, не соблюдаешь законы, на какой же восточный ветер ты опираешься?».

Цзи Су редко улыбался, но сейчас уголки его губ дёрнулись в усмешке.

— Разве это важно?

Когда дело зашло так далеко, важно ли, какие войска он использовал, личные или гарнизонные? Уже нет. Семя сомнения было посеяно. Он снова и снова нарушал запреты. И в тот день, когда чувства иссякнут, придёт время расплаты.

— Уже не важно, — согласился Цзи Вэйцю. Теперь ему казалось, что император Шицзу был на удивление терпелив, раз решил и дальше верить Ли Юньсю, отделившись лишь упрёком.

Третий доклад был доносом на Ли Юньсю. Из-за ошибки с семенами в Ляююане случился неурожай, и начался голод. Имперский цензор обвинил Ли Юньсю, но Шицзу снова отложил дело. Однако на фоне двух предыдущих инцидентов этот случай выставил Ли Юньсю полным некомпетентным дураком. А как иначе? Запретные дела он творил с размахом, а свои прямые обязанности провалил с треском.

И даже после этого Шицзу не собирался его наказывать. Но по законам династии Южной Чжу, за такой провал Ли Юньсю должен был вернуться в столицу для отчёта. Он же упорно оставался в Ляююане, чтобы «исправить ситуацию». Шицзу пришлось отправить туда продовольственную помощь и, конечно же, своего доверенного человека, чтобы тот навёл порядок. Таким образом, Ли Юньсю был фактически отстранён от дел и, скорее всего, уже находился под следствием. Поэтому на обратном пути в столицу его доклады были полны описаний красивых пейзажей и заверений в преданности императору.

Седьмой доклад был написан год спустя. Раньше он думал, что за этот год Ли Юньсю восстановил отношения с Шицзу и поэтому был отправлен на границу. Теперь же он понял, что Шицзу, скорее всего, уже отказался от него, поэтому и отправил его на север. Там он жаловался на холод и на старых служак. В Ляююане тоже было холодно, почему же он не жаловался?

Просто в Ляююань он ехал, пользуясь благосклонностью императора, под его защитой, и путь его был гладким. Теперь же он впал в немилость, и никто больше не расчищал ему дорогу. Затем он «случайно» одержал победу в битве, что говорит о том, что Шицзу не собирался отправлять его на настоящую войну... Но, к удивлению, у Ли Юньсю оказался талант, и он вырвался из-под контроля императора. Возможно, Шицзу был этому даже рад.

С его характером и методами, проявленными в Ляююане, вернувшись в столицу и кичась своими заслугами, он бы наверняка начал вести себя заносчиво, превышать полномочия... Неудивительно, что его казнили.

Цзи Вэйцю поднял глаза на брата. Он хотел спросить: «Брат-император, зачем ты мне всё это показываешь?», но, встретив его спокойный, почти ледяной взгляд, внезапно всё понял.

Ли Юньсю и он... до чего же они похожи.

Цзи Вэйцю пробрал холод.

Точно так же отправили из столицы, точно так же дали свободу действий. Стань он чуть более заносчивым, чуть более развязным, и когда чувства его брата к нему иссякнут, чем он будет отличаться от Ли Юньсю? Ведь он не родной брат, так что разница между ним и товарищем по учёбе не так уж и велика!

Цзи Су заметил, как юноша вздрогнул и посмотрел на него со страхом и трепетом. Он подумал: «Это только начало. В будущем при дворе интриги будут в сто раз опаснее... Но, по крайней мере, какой-то результат есть. Не совсем глуп».

— Брат-император... — голос Цзи Вэйцю дрожал.

— Говори, — Цзи Су был готов выслушать, что скажет юноша. Его голос даже стал мягче, словно подбадривая.

И тут Цзи Вэйцю осторожно спросил:

— Брат-император, ты ведь не держишь на меня зла за то, что я отправил рыбу восьмисотмильной срочной почтой?!

Последние слова он выпалил на одном дыхании, голос сорвался от ужаса.

<http://bllate.org/book/16115/1586002>